

Василий Игнатьев

Не по матушки было по Невы-реки,
Тут плыли-выплывали два гнеды тура,
Кабы встречу им матушка родимая:
«Уж вы здравствуйте, туры, да дети малыя!» —
«Уж ты здравствуй, матушка родимая!
Кабы ты же, турица златорогая!» —
«Уж вы где же, туры, да были-спобыли?
Вы чего же, туры, да много видели?» —
«Ож мы были-то, матушка, во Шахове,
Уж мы были, восударына, во Ляхове,
Сорочинско славно полё поперек прошли,
А Куликово поле — с угла на угол,
Стольнё Киев-де град — да из конца в конец,
Не какого цюдышко не видели,
Только видели цюдышко не малое,
Как не малое цюдо, привеликое:
Выходила тут девица младо красная,
Да в одной она рубашоцьке без пояса,
Да в одных она цюлоцьках без башмациков,
Приходила она да ко Почёв-реки,
Да брала она книгу, да лист Евангельё,
Приходила она да ко Почёв-реки,
Забродила она да по колен в воду,
А ище того поглубже — выше поеса,
А ище того поглубже — до белых грудей;
Становилась ко камешку ко серому,
Она клала-то книгу на сер-горюч камень,
А стояла она да от зари до зари,
А читала она книгу от доски до доски,
Она сколько читала, вдвое плакала». —
«Ох вы, глупые туры, да дети малыи!
Ох вы, глупыи туры, да неразумныи!
Не девица выходила да младо красная —
Присвята госпожа мати Богородиця,
Она цюет над городом незгодушку,

Она цюет над Киевом великую:
Кабы Скурла-де царь да подымается,
Скурлыта-де-ка царь да сын Смородович,
Со любимым со сватушком со Коршаком,
Со любимым со зятём со Коньшаком,
Со любимым племенником со Киршаком,
Объявил он, собака, да силы множество:
Впереди его, собаки, сорок тысецей,
По праву руку собаки — сорок тысецей,
По леву руку собаки — сорок тысецей,
Позади его, собаки, да числа-смету нет.
Выежжал он, собака, на чисто полё,
Хорошо он, собака, да шатры выстроил,
Баско-хóрошо, собака, да верхи выкрасил,
Во шатры-де, собака, да столы выставил,
Он писал-де ерлык, да скору грамотку.
Выбирал он тотарина самолучшаго,
Кой получше, побольше, попроворне всех,
Кабы сам он тотарину наговариват:
„Ты поедь-ко, удалой доброй молодец,
Через заставы едь да каравульня,
Через стены ты едь да городовя,
У ворот ты не спрашивай приворотников,
У дверей ты не спрашивай придверников,
Станови ты коня да середь уличи,
Не приказана коня, да не привязана,
Заходи ты ко князю ко Владимиру,
Заходи ты во гриню во столовую,
Ты положи-ко ерлык да на дубовой стол,
Ты положи-ко ерлык, да скоро вон поди“».
Как увидел-то солнышко Владимир-князь,
Он увидел ерлык, да скору грамотку,
Говорит-то тут солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой есь, Добрынюшка Никитич сын!
Ты цитай-ко ерлык, да скору грамотку».
Как цитат бы Добрынька, усмехаецця:
«Как дают город добром, дак я добром возьму,
Не дают город добром, дак я боём возьму,
Как боём-де возьму, да кроволитьичом,

Самого-то князя я под меч склоню,
Как Опраксию-княгиню да за себя возьму,
Как соборны ихны черкви все на дым спущу».
Кабы это-де князю да за беду стало,
За досаду показалось за великую.
Кабы стал-то тут солнышко снарежатисе,
Кабы кунию-ту шубу на одно плечо,
А пухов-де колпак да на одно ухо,
Он пошел по городу по Киеву.
Кабы стречу ему бóльшая подсушина:
«Уж ты здраствуй-де, большая подсушина!» —
«Уж ты здраствуй-ко, солнышко Владимир-князь!
Уж ты што же идёшь да не по-старому —
Повеся ты дёржишь да буйну голову,
Потопя-де дёржишь да очи ясныи?» —
«Ох ты ой еси, бóльшая подсушина!
Как есь у меня над городом незгодушка,
Кабы есь у меня над Киевом великая,
Ты не знашь ле наежжого богатыря?» —
«Уж ты батюшко-солнышко Владимир-князь!
Ты не с нами думу думаешь — с боярами,
Могут они тебе способствовать».
А оттоль-де-ка солнышко вперёд пошел.
Кабы встрету ему средня подсушина:
«Уж ты здраствуй-ко, средня подсушина!» —
«Уж ты здраствуй-ко, солнышко Владимир-князь!
Уж ты что же идёшь да не по-старому —
Повеся да дёржишь буйну голову,
Потопя-де дёржишь да очи ясныя?» —
«Ох ты ой есь, средня подсушина!
Кабы есь у мня над городом незгодушка,
Кабы есь у мня над Киевом великая,
Ты не знашь ле наежжого богатыря?» —
«Уж ты солнышко-батюшко Владимир-князь!
Ты не с нами думу думаешь — с боярами,
Могут они тебе способствовать».
А оттуль-де-ка солнышко вперед пошел.
Кабы встрету ему меньшая подсушина:
«Уж ты здраствуй ты, меньшая подсушина!» —

«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Владимир-князь!
Уж ты што же идёшь не по-старому —
Повеся ты идёшь да буйну голову,
Потопя ты идёшь да очи ясныи?» —
«Ох ты ой еси, меньшая подсушина!
Кабы есь у мня над городом незгодушка,
Кабы есь у мня над Киевом великая,
Ты не знаешь ле наежжого богатыря?» —
«Ох ты солнышко-батюшко Владимир-князь!
Ты поди-ко по городу по Киеву,
На царевы ты зайди да больши кабаки,
На кружала ты зайди да восударевы;
Как на той же на печьке, на муравленке,
Тут лежит-де удалой доброй молодец;
Не креста у его нету, не поеса,
Не рубашоцьки нет на ём полотненой,
Под одной он лежит да рогозиною,
Кабы всё на вине у ёго заложено,
Во царевом кабаки да всё пропито,
Он и спит нынцце тут да трои сутоцьки».
Как оттуль-де-ка солнышко вперед пошел,
Он идёт-то по городу по Киеву,
Он заходит на царевы да больши кабаки,
На кружала заходит восударевы,
Он и смотрит на печьку, да на муравленку,
Он увидел удала да добра молодца:
«Ох ты ой есь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатъевич!
Тебе полно ле спать, да нынь пора ставать,
От великаго хмелю да просыпатися,
Уж ставай ты, Василей сын Игнатъевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдою ты мне, да не изменю».
А на то-де Василей да не ослышался;
Кабы клицёт-то солнышко во второй након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатъевич!
Тебе полно ле спать, да нынь пора ставать,
От великаго хмелю да просыпатися,

Уж ставай-ко, Василей сын Игнатъевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдой ты мне, да не изменю!»
Как на то-де Василей не ослышелся;
Кабы клицёт-то солнышко во третей након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатъевич!
Тебе полно ле спать, да нонь пора ставать,
От великаго хмелю да просыпатися,
Ты ставай-ко, Василей сын Игнатъевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдой ты мне, да не изменю!»
А топёре Василей розбужаитсе,
От великаго хмелю просыпаитсе,
Говорит-то Василей Игнатъевич:
«Уж я рад бы служить, хоть голову сложить,
Как болит-то моя буйна голова».
Наливаёт князь цяру зелена вина,
Не большую, не малу — в полтара ведра,
Кабы турей-де рог да мёду сладкова,
На закуску колаць да бел-круписьчатой,
Подаваёт-то солнышко обема рукми,
А берёт бы Василей единой рукой,
Кабы пьет-то Василей к едину духу,
А за цярой-то Васька приговариват:
«Не оммылось у Васьки да ретиво серцо,
Не звеселилась моя да буйна головушка».
А берет-де-ка солнышко во второй након,
Наливает-де цяру зелена вина,
Не большую, не малу — полтара ведра,
Кабы турей-де рог да мёду сладкого,
На закуску колаць да бел-круписьчатой,
А берет бы Василей единой рукой,
Кабы пьет-то Василей к едину духу,
А за цярой-то Васька приговариват:
«Не оммылось у Васи ретиво серцо,
Не звеселилась у Васи буйна головушка!»
Наливаёт солнышко во третей након,
Подаваёт-то солнышко обема рукми,

А берет-то Василей единой рукой,
Кабы пьет-то Василей к едину духу,
А за цярой-то Васька приговариват:
«Как оммылось у Васьки да ретиво серцо,
Звеселилась моя да буйна головушка,
Бы могу нынь служить да верой-правдою —
Не креста-то у меня нет, не поеса,
Не рубашечки нет у меня полóтненой,
Кабы нету-то у мня да коня доброго,
Кабы нету у меня сбруни лошадиной,
Кабы нету у мня приправы молодецкой,
Кабы нету у меня туга лука,
Кабы нет у меня стрелоцьки каленой,
Уж и нет у меня палицы буёвой,
Кабы нет у меня копейчо бурзомецькое,
Кабы всё на вини да у мня пропито,
Во царевом кабаки да всё заложоно».
Как пошел тут солнышко Владимир-князь,
Он пошел к чумакам, да человальникам:
«Ох вы ой есь чумаки, да человальники!
Отдавайте всё Васиньке безденежно».
Кабы отдали всё Васиньки безденежно,
Кабы стал-то Василей снаряжатисе,
Кабы стал-то Василей сподоблетисе,
Как седлал он, уздал да коня доброго,
Как садился Василей да на добра коня,
Как тугой-от-де лук да принатегивал,
Калену свою стрелку принаправливал,
Кабы сам ко стрелы да приговаривал:
«Полети-ко ты, стрелоцька калёная,
А повыше ты дерева шарового,
А пониже ты облака ходячаго,
Залети-ко ты, стрелка, во чисто полё,
Залети-ко Скурлы ты да глазом правым,
Уж ты выйди-ко, стрелка, ухом левым!»
Как садился Василей на добра коня,
Погонил-де Василей во чисто полё:
Кабы сива-то грива да растилаетьсе,
Кабы хвост-де трубой да завиваетсе,

Кабы из роту коня да пламя мечетсе,
Из нозрей у коня да искры сыплютсе,
Из ушей у коня да дым столбом валит.
Пригонил-то Василей во чисто полё,
Как приехал он на заставу татарскую,
Выбирал он тотарина самолучшаго,
Как получше, побольше, потолще всех,
А схватил он тотарина за резвы ноги,
Кабы стал он тотарином помахивать,
На праву руку махнёт, дак чела улица,
На леву руку махнёт — с переулками:
«Хоть ты тонок на жилах — не сорвешься,
Хошь и сух на косьи, да не изломишьсе!»
Он и всю тут силушку повыкрошил,
Он и добрым конём да всех повиштоптал,
Как поехал он ко князю ко Владимиру.
Приежжат он ко князю ко Владимиру,
Как заходит во гриню да во столовую,
Как садит его солнышко за дубовой стол,
Как поит-то его да зеленым вином,
Как поит-то его трои сутоцьки.
Собиралисе все бояре толстобрюхие,
Собиралисе ко князю ко Владимиру,
Как по полу солнышко похаживат,
Тихо-смирную речь да выговариват:
«Ох ты ой еси, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатъевич!
А цего же тебе да нынъце надобно?
Ты бери-ко города да с пригородками,
Ты бери-ко села да со деревнями!»
Говорит-то Василей сын Игнатъевич:
«Мне не надо города да с пригородками,
Мне не надо села да со деревнями,
Ты позволь-ко-ся мне цего мне надобно:
Я куды-де пойду, да куды пѣду,
Мне бы пити-де вино везде безденежно».
Говорят на то бояра толстобрюхие:
«Кабы нам боле Васинька не надобно.
А топере у нас Васинька отказано».

Говорит-то Василей таковы речи:
«Уж ты, солнышко батюшка Владимир-князь!
А ищэ ле я вам, Васинька, понадоблюсь?»
Говорят-то бояра во второй након:
«Кабы нам боле Васинька не надобно,
А топере у нас Васинька отказано».
Говорит-то Василей таковы речи:
А ищэ ле я вам, Васинька, понадоблюсь?»
Говорят-то бояра во третей након:
«Кабы нам боле Васинька не надобно,
А топере у нас Васинька отказано».
Как скоцил-то Василей на резвы ноги,
Он схватил-то столесенки кедровыи,
Он убил всех бояр да толстобрюхиих.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Боровая (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Осташовой Анны Денисовны, 62 г.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.